

СЕРГЕЙ ШАНГИН

ОСЕНЬ ДЛЯ АНГЕЛА

Сергей Шангин

Осень для ангела.

Городское фэнтези

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8179247
ISBN 9785447400842*

Аннотация

Иногда в жизни обычного, но увлеченного своим делом человека происходят невероятные события. Именно тогда в нем обнаруживаются невероятные возможности и неожиданные способности. Некоторым же уже при жизни удается совершить совершенно невероятное – выстоять в битве с посланцами иного мира, в котором каждый из нас окажется когда-нибудь. Есть в таких людях что-то грустное и смешное, но мы с вами знаем – именно они делают нашу жизнь даже после смерти лучше.

Осень для ангела Городское фэнтези

Сергей Шангин

Книга основана на событиях, истинность которых некому подтвердить. Но сомневаться в правдивости и непредвзятости рассказанного нет никаких оснований.

Автор

– Бездушный вы человек, мерзкий, холодный, как лягушка!

– Отчего же? Душевности и обаяния во мне море! Хотите анекдот свежий?

*– Душевности в вас много, а вот души нет вовсе!
И анекдоты у вас пошлые...*

«Противоречие сказок заключается в том, что слишком часто они правдивее того, что мы считаем правдой».

© Сергей Шангин, 2019

ISBN 978-5-4474-0084-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К нам едет Ревизор!

– Еще вина, Маргарита?

– Не откажусь, Гаврила Степанович! Из ваших рук, хоть яд, хи-хи-хи!

– Что-то ты, Маргарита, захмелела совсем, не пора ли баиньки?

– Надеетесь, Гаврила Степанович, в постель затащить, когда девушка захмелела, хи-хи-ик?

– Скажешь тоже, и в мыслях не держал!

– Что же мы тут три часа сидим, черт старый, коли ты и в мыслях не удержишь? Седина в бороду, когда ж тебе бес в ребро встрянет?

– Маргарита-а-а-а!

– Что Маргарита, триста лет, как Маргарита! Я любви хочу, а вы все разговоры разговариваете! Мужчина ли вы, Гаврила Степанович?

– Маргарита, ты что себе позволяешь?

– Что хочу, то и позволяю! В монастырь уйду, попомните еще Маргариту!

– Пьяный он был... я тебе точно говорю... воротчик ваш был пьяный... в зюзю... на ногах не стоял... ха-ха-ха.

– Брехня, он н-н-не пьет! Морок на ворота навели, как

пить дать... а у меня пусто... челове-е-е-к!

– Не-е-е-т, ты согласишься, тринадцать мячей пропустить только спяну можно... ха-ха-ха, упал-отжался.

– Какая у тебя, поручик, морда противная, и-и-ик! Тьфу на тебя!

– Мазила! Плюнуть толком не можешь... и нападающие у вас мазила... ха-ха-ха! Челове-е-е-е-к, почему у нас пусто в кувшине? Бего-о-о-о-м, упал-отжался!

– Поручик, мне плохо...

– На двор?

– Дурак! На душе погано... ну как он мог, как мог, скотина?

– Ба-а-а, да ты ругаться умеешь, а болтают, что ангелы не умеют, ха-ха-ха!

– Вам бы в ворота столько вкатили...

– Типун тебе на язык!

– ... еще бы не так ругался... скотина, и-и-ик!

«Много лет тому назад в тридевятиом царстве в тридесятиом государстве жили-были прекрасные люди. Жили они хорошо, потому как повезло им родиться в счастливое и сказочное время. Дома их до самой крыши были увиты зеленым плющом, в садах росли чудесные фрукты и прекрасные цветы. Звери не боялись людей, они приходили в деревни и до-

верчиво подходили к людям, позволяя гладить себя и кормить.

Однажды юная девушка по имени Фриза познакомилась с юношей, которого звали Гунгольд. Молодые люди полюбили друг друга с первого взгляда. Они поженились и жили долго и счастливо. А потом умерли. Их дети прожили свой срок и тоже умерли. И дети их детей прожили отведенный им срок. Тела их были преданы земле, а души вечно витали среди домов и садов любимого сказочного королевства, не покидая его ни на миг.

Люди не боялись смерти, справедливо полагая, что именно так течет жизнь. Душа рождается в младенце, живет свой срок на земле, радуясь земным радостям, печалась и грустя. Приходит время и душа возвращается в свою вечную обитель или остается рядом с теми, кого любит, чтобы помогать им своей любовью.

Но непреложно чередование жизни и смерти, непреложно, как смена дня и ночи, зимы и лета. Таков закон природы, так указано богами.

– Мда, все умирают, таков закон! – Иван Васильевич закрыл книжку, снял с носа очки и задумчиво уставился куда-то в туманную даль. Взгляд его уперся в старые выцветшие обои давно не отремонтированного кабинета, но мыслями он был далеко.

– Сидишь тут, как свинья в берлоге, – мысленно посетовал он, не решаясь нарушать божественной тишины, – а жизнь

бежит. Э-э-х, хорошо бы сейчас туда, в сказку, да снова молодым...

Он пожевал губами, тяжело вздохнул, сравнивая свое серое существование с той сказочной жизнью. Кто-то и сейчас живет как в сказке, а кому-то напрочь заказано. Могли бы за выслугу лет по линии профсоюза, что-то вроде путевки в санаторий выделить. Хоть на недельку, да в ту сказку, хоть одним глазком бы...

– С суконным рылом, да в калашный ряд... эка ты хватил батенька, ишь чего захотел. Если все желающие будут в те сказки попадать, так быстро все станет, как в жизни. Сказка она, как заповедник, как картинная галерея – смотреть смотри, а руками не трогай.

Эта мысль его успокоила. Не потому не попадет, что недо-стоин, а потому, что не положено, во избежание, так сказать.

Размышления о приятности сказочной жизни плавно перетекли на жизнь обычную. Время неуклонно двигалось к полуночи, задержись чуток, и пешком шлендать придется. Трамвая не дождешься, на такси денег нет. Иван Васильевич снова вздохнул и отложил книжку с красивой сказкой на полочку.

Дела нужно закончить, да домой отправляться. Оставлять на завтра негоже, завтра своя суета. Всякое дело нужно свое-временно... ему очень нравилось это слово и он еще раз про-катил его по языку: свое-вре-мен-но... то есть вовремя за-кончить.

Он поправил сатиновые нарукавники, придвинул счета, которым доверял больше, чем новомодным калькуляторам и окунулся в мир цифр.

Его мало смущал тот факт, что работники давно дома сидят, а директор городского кладбища стучит костяшками счетов на работе, да перебирает папки с документами. Так уж сложилось, так он сам для себя определил. День для суеты, вечер для цифр. Одно с другим мешать, только путаницу и суету порождать.

Разве можно слово доброе сказать родственникам умершего, если в голове счета щелкают и мозги баланс свести пытаются? Человек в горе требует особого подхода, чуткого отношения, нельзя отвлекаться.

Иван Васильевич посмотрел в окошко на свои владения. С высоты второго этажа городское кладбище лежало, как на ладони. Яркая полная луна заливала его призрачным серебристым светом, придавая земному пейзажу вид нереальный лунный.

Чем может заниматься директор кладбища в поздний час? Выручку считает, хмыкнет язвительно въедливый читатель. Знаем мы, сколько те директора из родственников выколачивают за одни похороны. Сидит паук, прикидывает, сколько денег показать, а сколько в карман положить. Все они одним миром мазаны, лишь бы себе выгоду получить, а там, хоть трава не расти. В смысле, хоть все травой зарастит.

О ком другом читатель речь заведи, я бы с ним согласил-

ся, но Иван Васильевич Шептайло к той породе отношения не имел. Был он директором кладбища по велению души, так сказать. Не то чтобы с детства мечтал, но меркантильности в его поступках не было никогда.

Много лет тому назад молодой еще Иван Васильевич ушел с завода, бросил работу инженера и устроился работать на кладбище простым сторожем. В то время он не только не испытывал желания связать свою жизнь с кладбищем, но и, как многие люди, относился к нему с опаской.

Он просто сбежал от друзей и прежней жизни, разочаровавшись в любви и женщинах в целом. Молодое сердце горячее, но глупое. Разочаровавшись в одной, он вычеркнул из своей жизни всех, кто мог напомнить ему о ней, о той единственной, ради которой готов был умереть.

Но вышло по всему, что смерть его была совершенно ненужной. Более востребованы оказались хорошая должность, приличная зарплата и наличие собственного автомобиля у нового ухажера его любимой девушки.

Иван Васильевич не стал гордо стучать дверью и кричать на весь свет, что все женщины... и такое прочее. Он просто ушел в сторожа на кладбище. Просто запил горькую, найдя в ней источник успокоения души. Хотя пить долго не получилось – душа не приняла подобного издевательства над ор-

ганизмом.

Он ограничил спиртное минимумом и окунулся с головой в работу. Хотя на первый взгляд, какая у ночного сторожа работа? Сиди себе, да любуйся звездочками. Покойники не хулиганы, шалить не будут. Храбрые в городских подворотнях отморозки на кладбище ночью не забегают, не дураки, видать сказками пуганные.

Скука одна. От скуки мысли всякие пакостные в голову лезут, думается о смысле жизни, точнее о ее бессмысленности. Ну, кому ты нужен ночной сторож? По возрасту парень молодой, а душой, как старик старый. Сидишь обиды, как Плюшкин перебираешь. Одно и то же каждый день! Не надоело?

Надоело! Потому и начал Иван Васильевич повсюду себе работу искать. Дело нехитрое, куда взгляд не брось, там тебе и работа. Было бы желание, а работы на кладбище всегда прорва. Все от взгляда зависит, от поворота мысли. Хотя найдется такой человек, что назовет ту работу скучной и не важной.

Скучная или не важная, а работы той много. Все нужно видеть, за всем присматривать, недостатки всякие устранять, теревить, кого следует, просить, уговаривать, просьбы родственников выслушивать: «Вы уж тут присмотрите за могилкой!»

Втянулся в кладбищенские проблемы, свыкся с могилками, да крестами, перестал бояться по ночам гулять. Время,

как известно, все лечит. Затянулись душевные раны, забылись обиды, наслоились заботы и дела. Мысли закрутились вокруг других проблем.

Сам привык и все привыкли к тому, что простой сторож затычка в каждой дырке и пришла кому-то в голову светлая мысль, давайте его директором назначим! Ему почет, кладбищу польза.

Кстати и прежний директор пропал неведомо куда с каской и ценными предметами обряда. Чем искать по объявлению еще большего прощелыгу, лучше взять, так сказать, из своих рядов проверенного кадра.

Перешел Иван Васильевич в одночасье из развалюхи сторожки в новый кабинет. И принял бразды правления в виде резиновой печати и одинокой папочки с завязками, где и хранились остатки кладбищенской документации. Тут тебе и приход и расход и нулевой, а точнее сильно отрицательный результат.

Пощелкал он костяшками счетов, огляделся в кабинете и в первую очередь решил навести порядок. Кабинет директора не сарай и не проходной двор. Еще по заводу помнил он, с каким уважением все относились к директорскому кабинету.

Организовал субботник и привел кабинет в божеский вид – обои новые наклеили, диванчик из Красного уголка притащили для посетителей, стол дубовый, невесть как в их епархию попавший, в кабинет всем миром затащили.

Стол тот покори́л сердце Ивана Васильевича прочностью форм и зеленым сукном. Солидно и глаз раду́ет. В тон сукну лампу с зеленым абажуром поставили. С креслом новый директор решил погоди́ть, не велик ца́рь, на стуле поси́дит. И работа пошла.

Каждый вечер Иван Васильевич удобно устраивался за любимым столом с зеленым сукном, зажигал настольную лампу зеленого цвета и торжественно клал перед собой стопочку одинаково серых бумажных скоросшивателей.

Его лицо озарялось торжественной улыбкой, плечи расправлялись, руки на мгновение замирали над папочками, словно не решаясь прикоснуться к священной тайне.

– Ну-с, господа, давайте знакомиться! – всякий раз говорил он одну и ту же фразу, открывая верхнюю папочку и вслух читая написанное.

Фраза повторялась изо дня в день из года в год, но не теряла для Ивана Васильевича своей святости и торжественности. Он не просто знакомился с «делами» свежепогребенных граждан, а превращал этот процесс едва ли не в званый ужин.

Директор кладбища смотрел «дело» за «делом», сообщал новым знакомым, как и где их похоронили, какая растительность произрастает вблизи места их последнего упокоения

и как выглядят их памятники и ограды.

С годами круг «знакомых» Ивана Васильевича расширился до невозможности, но его профессиональная память хранила имена и обстоятельства упокоения каждого клиента покрепче хваленных компьютеров. Шептайло гордился своей работой, гордился своим кладбищем и крайне гордился разносторонностью своего «общества».

Сторонний наблюдатель, случайно побывавший на таком вечернем представлении, счел бы, что хозяин кабинета сошел с ума или очень близок к тому. Ибо человек в добром уме и здравии вряд ли будет гордиться и тем более радоваться своему знакомству с давно умершими людьми, таким образом, словно каждый вечер заходит к ним на огонек чайку попить.

Обычному человеку порой трудно понять другого обычного человека, что же говорить, когда он сталкивается с человеком необычным, можно сказать уникальным? Необычные люди простому уму кажутся ненормальными. Не мной придумано, традиция такая.

Узнай кто про особенность Ивана Васильевича, про его необычность и пришлось бы ему попрощаться с должностью. Кто же станет держать на такой должности человека ненормального? Только другой ненормальный и станет.

Читатель затаил дыхание, сладостно предвкушая, что же такого необычного есть в директоре кладбища? Какие ужасные тайны скрываются под личиной благостного старичка?

Может он покойников по ночам выкапывает или голый при луне меж могил прыгает, призывая души предков? А вдруг...? Нет, не может быть! Ужасно! Неужто с самим Сатаной договор заключил и втихушку ему по дешевке души толкает, себе жизни и здоровья выгадывая? Брехня.

От чего же он в восемьдесят лет такой живенький и здоровенький, хитро прищуря глаз, спросит пытливый читатель. В его годы по статистике положено под лежащий камень, а он который год тот камень перепрыгивает.

Неспроста, ой неспроста, нечистой силой попахивает. К тому же на кладбище... опять же по ночам... и в одиночку. Страшненький человечек, ужасненький старичок, сам черт с ним раскланивается, не иначе.

Ерунда все это, любезный читатель. Полная чепуха. Черта Иван Васильевич поминал, как и все к случаю, сам того черта не видел и уж совершенно точно никаких договоров с ним не подписывал.

А особенность его заключалась в свойствах душевной организации или некоторой паранормальностью той организации, не путать с ненормальностью.

Необычность та не была с ним от рождения. Все случилось неожиданно для него самого, вскорости после того, как Ивана Васильевича назначили на должность директора.

Работа директора кладбища по сути своей несложная, ответственность невеликая, отродясь на этой должности всякие неудачники да выпивохи работали. Как говорится,

кто бы ни работал, лишь бы место не пустовало.

Потом новое поколение директоров пошло. Осознали они, что кладбище в натуре хороший кусок масла на их хлеб принести может. Приходит к тебе человек горем убитый, ему близкого человека похоронить нужно, он еще и в себя не пришел.

А тот ему все быстренько на пальцах покажет, квитанцию выпишет и раз-два, а точнее раза в два-три дороже те похороны выйдут. Но в верхнюю контору для отчетности документ другой уйдет, правильный, с цифрами, которые из тарифов следуют, а не из головы директора.

Только сколько веревочке не виться, а придется отвечать по закону. Вот и срываются новые директора через год-два с насиженного места, как перелетные птицы, подальше от обманутых родственников и обиженных покойничков.

А тут приличный человек совестливый в трезвом виде в должность вступил – необычайное событие для кладбища. По всем статьям необычайное. Такое событие по первому каналу освещать надо, а мы стыдимся. Мол, неудобно как-то, не президент ведь и не банкир, люди нас не поймут. А люди то они правду сами от кривды отделят, им поменьше помощников, что в уши дуют и все будет в порядке.

Иван Васильевич, если быть уж совсем откровенным, всей значимости подобного назначения не осознал. После завода кладбище ему казалось мелким складом при цехе, не более того. Нет в нем размаха, шума станков, заводной мощи, ме-

ханической или электрической.

Но людям поверил, что событие весомое, значимое и знаковое. Кабы у нас все чиновники такими были, как ты, Иван Васильевич, твердили ему соратники, то мы бы давно уже при коммунизме жили. Вот так и никак иначе!

По такому необычайному случаю Иван Васильевич собрал коллектив в зале для прощаний и положенным образом обмыл вступление в должность. Народ надо уважить, народ это заслужил.

Кто знает, если такими шагами карьера пойдет, то в следующем году он Кремлевским кладбищем заведовать будет, а там и о президентском месте подумать можно, – судачили гости после литры выпитой.

Тосты поднимали за процветание, за повышение, за настраивание и сбычу мечт. От выпитого ли, от шума ли, в самый разгар веселья у Ивана Васильевича неожиданно закружилась голова, ноги стали ватными, все померкло в глазах, угасли звуки, и окунулся он в беспросветный мрак.

И чудится Ивану Васильевичу, что сидит он на краю облака белого, навряде как в кресле. Весь как есть, то есть в костюме и при галстуке. Одна незадача, что без ботинок. Куда ботинки подевались, коза их задери, нет никакого понятия.

В другое время махнул бы он рукой на то странное об-

стоятельство, но в данный момент никак не можно сей факт из виду упустить. Потому как в отсутствии правого ботинка на всеобщее усмотрение выступает дырка на носке, аж большой палец наполовину из носка торчит.

Ну и шут с ним, скажут некоторые, эка невидаль – дырка на носке, у иного и носков нет вовсе. Вопрос неоднозначный. Когда дома и один – и не вопрос даже, а тут рядом другой товарищ сидит. Поэтому и неудобство в чувствах получается.

Старичок такой весь седой в белом не то халате не то накидке и в сандалиях на босу ногу. Сидит, насвистывает что-то веселенькое и ножками в воздухе болтает, бороду почесывает. С интересом на Ивана Васильевича поглядывает, но беседы не начинает.

А у того вопросов в голове тьма. Как он тут оказался, почему с облака не падает и что, собственно говоря, произошло? Вопросы есть, а ответить некому, разве что к старичку обратиться за помощью, который из себя постороннего гнет.

– Кхе-кхе, – привлек внимание старичка Иван Васильевич, скривив губы в приветливую улыбку.

– Отдыхаете? – улыбнулся старичок и подмигнул.

Подмигивает еще, к чему бы это? Мол выпиваем до одури, в том наш отдых и заключается? Намеки неприличные в том вопросе видятся.

– Даже и не знаю, – осторожно ответил Иван Васильевич, надеясь потихоньку вызнать из старика его должность и принадлежность к профессии.

С виду пенсионер, а копни глубже, так окажется инспектором из профсоюза, что за моральный облик советского гражданина бьются с тем самым гражданином насмерть. С такими старичками держи ухо востро, лишнее слово пользы не принесет, да и дышать лучше в сторонку, учитывая недавнее торжество.

– Чего тут знать, помер – отдыхай! – снова весело подмигнул старичок.

– Не помирал я! – встревожился Иван Васильевич. – Чего бы мне помирать, с какого перепугу, молодой я еще помирать!

– Видать срок пришел, – сочувственно вздохнул старичок.

– Ничего у меня не пришло! – отрезал Иван Васильевич, чувствуя неприязнь к старичку. – Организм крепкий, на сто лет хватит!

– Вышел срок! – строго прикрикнул старичок и хлопнул по облаку, словно по подлокотнику кресла. – У судьбы свое виденье вопроса, начертано помирать, так и с железным здоровьем помрешь!

– Чего это вы так радуете за мое помирение! – возмутился директор. – Помер я или живой – это сугубо мое личное дело. И я бы попросил всяких прохожих проходить мимо, а не совать свою длинную бороду в вопросы чужого помирения!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.